

СЕМЕЙНЫЙ САСПЕНС

МИШЕЛЬ РИЧМОНД

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P56

Michelle Richmond
THE MARRIAGE PACT

Copyright © 2017 by Michelle Richmond

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Елены Матвеевой*
Художественное оформление *Марии Коняевой*

Ричмонд, Мишель.
P56 **Ричмонд, Мишель.**
Брачный договор / Мишель Ричмонд ; [пер. с англ.
Е. Матвеевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-098095-6

Элис и Джейк образцовая пара, они молоды и успешны. В их жизни все замечательно, они влюблены друг в друга и празднуют роскошную свадьбу, на которой один из гостей предлагает молодоженам вступить в некое сообщество и подписать шуточный брачный договор. И счастливые возлюбленные легкомысленно соглашаются, ведь цель сообщества так замечательна: сохранить семью, пока смерть не разлучит... и так далее. Всего-то надо выполнять простые правила: всегда брать трубку, когда звонит супруг, обмениваться подарками, быть внимательными и терпеливыми, никогда не врать. Но только Элис и Джейка никто не предупредил, что случится, если кто-то из них нарушит правила. А ошибки неизбежны, никто из нас не идеален, правда?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098095-6

© Матвеева Е. перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2018

Посвящается Кевину

1

Я лечу куда-то на «Цессне» — самолет скачет по воздушным ямам. Голова раскалывается, на рубашке кровь. Сколько времени, не знаю. Наручников на мне больше нет — только обычный ремень безопасности. Кто меня пристегнул? Я даже не помню, как сел в самолет.

В открытую дверь кабины видно затылок пилота. В самолете, кроме нас, никого. Внизу снеговые шапки гор, «Цессну» мотает ветром. Пилот ни на секунду не отвлекается от приборов, спина его напряжена.

Трогаю голову. Рука становится липкой от запекшейся крови. В животе урчит. Вспоминаю, что ел французский тост, но когда это было? На соседнем сиденье бутылка воды и сэндвич, завернутый в бумагу. Открываю бутылку и пью.

Разворачиваю сэндвич — ветчина с сыром. Черт, как больно жевать! Похоже, кто-то двинул мне в челюсть уже после того, как я упал и отключился.

— Домой летим? — спрашиваю я пилота.

— Смотря где ваш дом. Мы направляемся в Хаф-Мун-Бэй¹.

¹ Хаф-Мун-Бэй (Half Moon Bay) — город и одноименный аэропорт в штате Калифорния. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Вам ничего обо мне не сказали?

— Только имя и куда доставить. Я вроде таксиста, Джейк.

— Но вы тоже из «Договора»?

— Конечно, — отвечает он невозмутимо. — Верность супруге, приверженность «Договору». Пока смерть не разлучит нас. — Пилот на секунду оборачивается и бросает на меня такой взгляд, что я понимаю — спрашивать больше не стоит.

Самолет ухает в воздушную яму — сэндвич выпадает у меня из рук. Раздается сигнал тревоги. Выругавшись, пилот лихорадочно давит на кнопки и кричит что-то диспетчеру. Мы стремительно снижаемся. Вцепившись в подлокотники, я думаю об Элис, вспоминаю наш последний разговор — я ей столько всего не сказал!

Неожиданно мы выравниваемся и набираем высоту. Поднимаю развалившийся сэндвич с пола, кое-как заворачиваю в бумагу и кладу на соседнее сиденье.

— Простите, турбулентность, — извиняется пилот.

— Вы не виноваты. Хороший маневр.

Наконец уже над солнечным Сакраменто, пилот расслабляется, и мы болтаем о том, что ребята из «Голден Стэйт Уорриорз»¹ неожиданно хорошо отыграли сезон.

— Какой сегодня день? — спрашиваю я.

— Вторник.

Я с облегчением вижу в иллюминаторе знакомую линию побережья и маленький аэропорт.

¹Golden State Warriors — профессиональный баскетбольный клуб из Окленда (Калифорния).

Сразу после мягкой посадки пилот оборачивается ко мне:

— Не попадайте туда больше, ладно?

— Да уж, не собираюсь.

Беру сумку и выхожу. Дверь самолета закрывается. Он разворачивается и снова идет на взлет.

Я сажусь в кафе, заказываю горячий шоколад, отправляю Элис сообщение. Будний день, два часа; наверное, у нее совещания одно за другим. Так не хочется ее отрывать, но она очень нужна мне сейчас.

Ответ приходит немедленно.

— Где ты?

— В аэропорту.

— Выеду в пять.

От ее работы до Хаф-Мун-Бэй больше двадцати миль. Элис пишет, что в центре пробки, так что я заказываю себе еду — почти полразворота меню. В кафе пусто. Бойкая официантка в безукоризненно отглаженной униформе стоит и ждет, когда я оплачу счет. Потом говорит:

— Хорошего дня, друг.

Выхожу на улицу и сажусь на скамейку. Холодно, туман накатывает волнами. Я чувствую, что окончательно замерзаю, но тут к кафе наконец подъезжает старенький «ягуар» Элис. Встаю, проверяю, не забыл ли чего. Элис идет ко мне. На ней строгий костюм, на ногах кроссовки — в туфлях на каблучке водить неудобно. Черные волосы, влажные от тумана. Губы покрашены темно-красной помадой — надеюсь, для меня.

Она встает на цыпочки и прижимается губами к моим губам. Как же я соскучился!.. Элис отстраняется и оглядывает меня с головы до ног.

— Слава богу, ты цел. — Она тихонько касается моей щеки. — Что случилось?

— Почти не помню.

— Чего от тебя хотели?

Мне так много нужно ей рассказать, но я боюсь. Чем меньше она знает, тем лучше. К тому же правда ей совсем не понравится.

Я бы все отдал, лишь бы вернуться в прошлое, где еще не было свадьбы, не было Финнегана и «Договор» еще не перевернул нашу жизнь.

2

Честно говоря, свадьбу хотел я. Нет, место, банкет, музыка — всем этим занималась Элис, у нее такое лучше получается. Но сама идея была моей. Мы с Элис знали друг друга три с половиной года. Я хотел быть с ней, а брак представлялся мне гарантией того, что я ее не потеряю.

Элис не всегда отличалась постоянством. В юности она была бесшабашной, импульсивной, ее могло привлечь что-то яркое, сверкающее. Я боялся, что, если протяну, она от меня ускользнет. Свадьба, если уж говорить честно до конца, была способом ее удержать.

Предложение я сделал в теплый январский вторник. У Элис умер отец, и мы поехали в ее родную Алабаму. Кроме отца, у Элис из родственников никого не осталось. После похорон мы два дня приводили в порядок дом в пригороде Бирмингема, где Элис провела детство, — разбирали коробки с ве-

щами на чердаке, в кабинете и в гараже. Все в доме напоминало ей о родных: награды отца, полученные за годы военной службы, баскетбольные трофеи брата, кулинарные книги матери, выцветшие фотографии бабушки и дедушки. Мы будто наткнулись на сокровищницу малочисленного племени, давно исчезнувшего с лица земли.

— Все, осталась только я, — произнесла Элис не с горечью, а просто констатируя факт.

Ее мать умерла от рака, брат покончил жизнь самоубийством. Элис смогла пережить эти потери, но они оставили глубокий след в ее душе. Сейчас я понимаю, что, лишившись семьи, Элис стала еще больше ценить любовь и была готова ради нее на самые отчаянные поступки. Если бы ей не было так одиноко, сказала бы она мне «да»? Не знаю.

Так получилось, что кольцо я заказал за несколько недель до той поездки, а доставили мне его почти сразу, как Элис сообщили о смерти отца. Повинуясь какому-то импульсу, я сунул коробочку с кольцом в карман дорожной сумки.

Две недели спустя мы договорились о встрече с риелтором. Он ходил по комнатам и что-то быстро записывал, будто готовясь к ответу на экзамене. Потом мы вместе вышли на крыльцо.

— Уверены, что хотите продать дом? — спросил риелтор.

— Да, — ответила Элис.

— Просто... — Он махнул в нашу сторону папкой с зажимом для бумаг. — Почему бы вам не остаться здесь? Поженились бы, детей завели. В городе и так молодых семей нет. Детям играть не с кем. Сыну моему пришлось пойти в футбольную

команду, потому что для бейсбольной детей не хватает.

— Ну, просто потому, что... — промолвила Элис, глядя куда-то на улицу.

И замолчала. Риелтор вернулся к деловому тону. Назвал цену, а Элис ее еще немного снизила.

— Но это слишком дешево для нашего района, — удивился мужчина.

— Пусть. Главное, чтоб побыстрее.

Он записал что-то у себя.

— Нашим легче, конечно.

Через несколько часов подъехал грузовик, рабочие вынесли из дома мебель и старую технику. Остались только два шезлонга у бассейна, который не обновляли, наверное, с тех пор, как вырыли и забетонировали в 1974 году.

Наутро к дому снова подъехал грузовик — риелтор прислал ремонтную бригаду с новой мебелью. Рабочие действовали быстро и уверенно, развешивали по стенам абстрактные картины, расставляли на полках безделушки. В доме стало чище и просторнее. Его освободили от старья, но заодно лишили души.

Через день по комнатам уже ходили покупатели. Они перешептывались, открывали и закрывали шкафы и ящики, читали описание. Днем риелтор позвонил и сказал, что нашел четырех покупателей. Элис сразу же согласилась продать дом тому, кто назвал цену повыше. Мы собрали вещи и забронировали обратные билеты в Сан-Франциско.

Вечером Элис вышла посмотреть на звездное небо и попрощаться с Алабамой. Стояла теплая погода. Из соседского двора доносился аромат бар-

бею; вода в бассейне поблескивала в свете фонарей, а в шезлонгах сиделось так же уютно, как, наверное, и в тот самый день, когда отец Элис поставил их у бассейна. Жена его тогда была красивой и загорелой, а дети маленькими и неугомонными. Я-то чувствовал, что в Алабаме тоже может быть хорошо, однако Элис грустила и совсем не замечала этой неожиданной красоты.

Потом я рассказывал друзьям, что идея сделать Элис предложение именно в этот момент пришла ко мне спонтанно. Мне захотелось ее отвлечь. Показать, что будущее есть, сделать так, чтобы в такой тяжелый для нее день она почувствовала себя счастливой.

Я опустился на одно колено у бассейна и, не говоря ни слова, преподнес Элис кольцо на повлажневшей от волнения ладони. Она посмотрела на меня, потом на кольцо, улыбнулась и сказала:

— Ладно.

3

Поженились мы на берегу Рашен-Ривер, в двух часах езды к северу от Сан-Франциско. Место выбрали за несколько месяцев до свадьбы, причем когда приехали его смотреть, раза два проехали мимо — на дороге не было указателей. Когда мы открыли калитку и пошли по тропинке к реке, Элис обняла меня и сказала, что ей тут очень нравится. Сначала я подумал, что она шутит. Там трава была высотой несколько метров.

Участок относился к огромной молочной ферме — в поле паслись коровы. Ферма принадлежала гитаристке из первой группы Элис. Да, она раньше пела в группе, и вы, может быть, даже слышали их песни. Впрочем, об этом позже.

Накануне свадьбы я еще раз наведалься на ферму и снова проехал мимо. На этот раз луг выглядел совсем по-другому. Джейн — так звали хозяйку — несколько недель подстригала траву и настилала дерн. Получилось превосходно. То, что я увидел, больше походило на поле какого-нибудь всемирно известного гольф-клуба. Луг переходил в холм, который полого спускался к реке. Джейн сказала, что им как раз не хватало повода привести свои владения в порядок.

На лужайке были большой шатер, веранда, бассейн с домиком. На берегу возвышалась сцена, на холме — беседка. Вокруг все так же неторопливо бродили коровы.

Около сцены поставили стулья и столы с зонтиками, установили усилители. Не то чтобы Элис любила свадьбы, но вообще праздники — да. Хотя за годы знакомства мы не устраивали шумных вечеринок, я знаю, что до меня были и танцевальные вечера, и дискотеки на пляжах, и тусовки в бывших квартирах Элис — она обладала талантом организатора праздников. Так что во всем, что касалось организации свадьбы, я полностью положился на нее. Несколько месяцев подготовки — и все было доведено до совершенства и рассчитано по минутам.

Двести человек гостей. Предполагалось, что их будет поровну: сто со стороны жениха, сто — со стороны невесты, но потом все как-то перемешались.

Список получился разношерстный, как и на любой свадьбе. Мои родители и бабушка, партнеры из юридической фирмы Элис, коллеги из клиники, бывшие пациенты, однокурсники, одноклассники, друзья Элис по группе и другие странные личности.

А еще Лайам Финнеган с женой.

Их мы внесли в список последними, под номерами двести один и двести два. Элис познакомилась с Финнеганом за три дня до свадьбы в юридической фирме, где денно и нощно работала уже год. Знаю, кажется странным, что моя жена — юрист. Вы бы тоже удивились, если бы знали ее лучше.

Элис работала над «делом Финнегана» о защите авторских прав. Это сейчас Финнеган — бизнесмен, а когда-то он пел в известной ирландской фолк-рок-группе. Даже если вы не слышали его песен, то, возможно, где-то видели его имя. О нем в свое время писали все музыкальные журналы Великобритании. Десятки музыкантов утверждают, что именно он оказал самое большое влияние на их творчество.

Когда Элис поручили заниматься «делом Финнегана», мы переслушали все его диски. Само дело было настолько простым, насколько только может быть простым дело о защите интеллектуальной собственности. Начинаящая группа частично позаимствовала у Финнегана одну из песен и сделала из нее суперхит. Если вы, как и я, не владеете технической стороной музыкального сочинительства, то не заметите сходства, но если вы — музыкант, то, как сказала моя жена, сразу увидите откровенный плагиат.

Все это началось, когда несколько лет назад Финнеган в одном интервью обмолвился, что хит этой